

ИРКУТСКІЯ Епархіальныя Вѣдомости.

Цѣна за годовое издание: въ Иркутскѣ—5 р., съ пересылкою по почте 5 р. 50 к.

Подписка принимается искл. въ Редак. Иркут. Епарх. Вѣд. на Спасо-Лютер. ул., въ д. соборн. прич.

Сентяб. 29

1890 г.

№

39.

СОДЕРЖАНИЕ: Распоряженія епархіальнаго начальства. — Епархіальное извѣстіе. — Отчеты.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Псаломщикъ Градо-Иркутской Владимірской церкви Андрей Мичуринъ, согласно его прошенія, по резолюціи преосвященнѣйшаго Агаѳангела, епископа Киренскаго, отъ 31 августа с. г., зачисленъ въ заштатъ.

ЕПАРХІАЛЬНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Сверхъ-штатный псаломщикъ Братско-Острожной Богоявленской церкви Тихонъ Калистовъ 9 августа волею Божіею скончался съ полнымъ христіанскимъ напутствіемъ.

Отчетъ попечительства Улятуевской Богородице-Казанской церкви съ 1-го октября 1888 года по 1-е октября 1889 года.

П Р И Х О Д Ъ.

РУБ.

Остаткомъ поступило къ 1-му октября 1888 года	15
Приобрѣтено предѣдателемъ попечительства Василіемъ Бекетовымъ	5
Итого въ приходѣ съ остаткомъ	20

Р А С Х О Д Ъ.

РУБ.

Употреблено на починку оконъ въ священническомъ домѣ	3
Итого въ расходѣ	3
Къ 1-му октября 1889 года въ остаткѣ	17

Вѣдомость о церковно-приходскомъ попечительствѣ Ново-Троицкой Троицкой церкви, за 1889 годъ.

П Р И Х О Д Ъ.

СУММА
рубли.

Отъ прошлаго 1888 года къ настоящему попечительской суммы не поступало.

Въ теченіи сего года поступило на приходъ 127

Итого — — 127

Р А С Х О Д Ъ.

СУММА
рубли.

а) На содержаніе и украшеніе храма, на отопленіе церковной печи	30
За вѣнцы	25

За одежды на Престоль	30
На канцелярскія принадлежности	12
За переплеть книгъ	25
б) На церковно-приходскія школы и благотвори- тельные учреждения	5
<hr/>	
Въ расходѣ	127

Къ будущему году попечительской суммы въ остаткѣ нѣтъ.

Отчетъ о приходѣ и расходѣ Жиндинской Николаев-
ской церкви.

П Р И Х О Д Ъ. СУММА.
рубли коп.

Состояло остаткомъ отъ 1888 года къ 1889 г.
наличными деньгами 7 37

Продано оставшагося отъ 1888 года пять пудовъ
хлѣба, по 1 рублю 80 коп. за пудъ, и выручено 9 —
Собрано попечителями денегъ, кружкою - - - 15 22

Итого - 31 59

Р А С Х О Д Ъ СУММА.
рубли коп.

Куплено 1/2 стопы писчей бумаги для церковно-
приходской школы и заплачено - - - - - 2 —

Употреблено на погребеніе крестьянина Емельяна
Агапитова - - - - - 3 25

Дано больному казаку, напутствуемому въ Жин-
дѣ, Кударинской станицы, Евлампію Пиплину,
ради болѣзни и бѣдности для проѣзда до Кударин-
ской больницы - - - - - 2 —

Итого въ расходѣ - 7 25

Въ остаткѣ отъ 1888 г. къ 1890 году - 24 34

Отчетъ церковно-приходскаго попечительства Красно-
ярской Петропавловской церкви за 1889 годъ.

П Р И Х О Д Ъ. РУБ. КОП.

Отъ 1888 года остатка не было:

Въ 1889 году поступило	-	-	-	-	4	20	
Итого						4	20

Р А С Х О Д Ъ. РУБ. КОП.

Въ 1889 году расходу не было

Осталось къ 1890 году 4 20

Отчетъ приходскаго попечительства Алеурской Нико-
лаевской церкви за 1889 годъ.

П Р И Х О Д Ъ. СУММА.

рубли. коп.

Остаткомъ поступило отъ 1888 года на 1889 годъ 127 43

Къ тому же поступило въ теченіе 1889 года - 36 50

Собрано кружками и выручено отъ продажи хлѣба,
пожертвованнаго доброхотными дателями - - - 42 34

Всего 206 27

Р А С Х О Д Ъ. СУММА.

рубли. коп.

За исправленіе мѣстныхъ квартиръ причту - - 27 67

На канцелярскіе расходы - - - - - 1 10

Всего въ расходѣ 28 77

Затѣмъ состоитъ на лицо въ попечительствѣ на
1890 г. - - - - - 177 50

П Р И В А В Л Е Н І Я

КЪ

Иркутскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ.

Сентябр. 29 № 39. 1890 года.

СОДЕРЖАНІЕ: Яковъ Ивановичъ Стуковъ, инспекторъ Иркутской Духовной Семинаріи.—Объявленіе.

Яковъ Ивановичъ Стуковъ, инспекторъ Иркутской Духовной Семинаріи.

(Воспоминанія его ученика и воспитанника).

8 сентября 1889 года скончался Я. И. Стуковъ, инспекторъ Иркутской Духовной Семинаріи. Усопшій былъ моимъ наставникомъ и много потрудился надъ моимъ образованіемъ и воспитаніемъ. Изъ чувства глубокой благодарности, а затѣмъ и съ цѣлію напомнить о немъ другимъ его питомцамъ и ученикамъ, чтобы и они записали, что припомнятъ объ этомъ высокомъ труженникѣ, я берусь за перо и постараюсь сказать по возможности все, что мнѣ извѣстно о его жизни и трудахъ, а равно и о душевныхъ качествахъ.

Якова Ивановича я знаю съ 1866 года. Когда онъ въ 1862 году проѣзжалъ изъ Казанской Академіи, что какимъ-то образомъ познакомился съ моимъ родителемъ,

служившимъ священникомъ въ Заларинскомъ селеніи по Московскому тракту. Въ 1866 году отецъ отдалъ меня въ Иркутское духовное училище и оставилъ на квартирѣ у дальнихъ родственниковъ—Захаровыхъ, гдѣ въ это время квартировалъ и Яковъ Ивановичъ. Последний обѣщаль отцу наблюдать за мною.

По правдѣ сказать, боялся я этого тогда еще очень молодаго преподавателя Семинаріи: выраженіе лица его казалось мнѣ очень строгимъ; онъ былъ постоянно серьезень и вѣчно занятъ. Каждый день въ 7½ часовъ утра онъ уѣзжалъ въ Семинарію и въ холодное время нерѣдко садилъ и меня съ собой, чтобы на пути оставить въ училищѣ. Я приходилъ домой въ половинѣ втораго, а Я. И. нерѣдко оставался въ Семинаріи и до 4-хъ часовъ вечера; онъ былъ тогда бібліотекаремъ и послѣ уроковъ выдавалъ ученикамъ книги. Кромѣ того у него было не мало послѣобѣденныхъ уроковъ въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Послѣ поздняго обѣда Я. И. садился за работу и уже не вставалъ до 9-ти часовъ. Послѣ ужина снова работалъ до полуночи и далѣе. Такимъ образомъ располагался каждый день его жизни. Я. И. жилъ вполнѣ уединенно и въ теченіе годовой совместной жизни я могу насчитать не болѣе шести лицъ, которыя мѣсяца въ два-три разъ посѣщали его и то только въ праздники, да еще семинаристы нерѣдко приносили ему свои сочиненія или просили какихъ-либо объясненій.

Однажды онъ увидѣлъ, что я читаю какой-то обрывокъ изъ „Современника“, должно быть изъ сосѣдней лавочки приготовленный для закупорки товара. Я. И.

обрывокъ у меня взялъ и далъ мнѣ для чтенія книгу Водовозова. На мое несчастье, когда я читалъ эту книгу, мальчишка бурятъ—кучеръ Я. И. толкнулъ меня подъ руку и я облилъ книгу чернилами. Замеръ я на мѣстѣ. Но на мое счастье одна изъ добрыхъ старушекъ—хозяйекъ видѣла это и обѣщалась оградить меня. Книга была унесена обратно, но я долго уже не получалъ другихъ. Я еще болѣе началъ бояться Я. И., а слѣдующій случай заставилъ меня и вовсе избѣгать съ нимъ встрѣчи. Старушки хозяйки держали мелочную лавочку и твердо вѣрили, что успѣхъ торговли зависитъ отъ того, кто отворить утромъ дверь лавки. Попробовали и мое счастье. Отворилъ я дверь лавки, а самъ отправился въ школу. Торговля въ этотъ день оказалась не бывалая и я получилъ въ награду фунтъ орѣхъ. Конечно, на совѣтъ добрыхъ моихъ хозяекъ, рѣшено было, чтобы я каждый день отворялъ дверь лавки. Возвращался я въ слѣдующій день изъ училища радостный, вполне увѣренный, что успѣхъ торговли такой же, какъ и въ первый день, и рассчитывалъ на награду. Но, къ моему несчастью, въ этотъ день ни одинъ человѣкъ ни отворилъ дверей лавки. Старушки встревожились и начали вслухъ разсуждать: чтобы это значило? Пришли, наконецъ, къ тому заключенію, что у меня есть навѣрно только одинъ счастливый день въ недѣлѣ. Я. И., во время этихъ сужденій, сидѣлъ за легкой заборкой и все до конца слышалъ. Съ строгимъ взоромъ онъ вошелъ въ нашу комнату и порядочно таки пожурилъ хозяекъ; досталось и мнѣ: запрещено было мнѣ отворять дверь лавки, а вмѣстѣ съ тѣмъ

изчезла и надежда на орѣхи. Въ испугѣ я началъ просить старушекъ—хозяекъ, позволить мнѣ жить во флигелѣ, но Я. И. скоро замѣтилъ мое отсутствіе и снова усадилъ меня на старое мѣсто. Такъ я началъ бояться строгаго наставника, что никогда не рѣшался спросить его о чемъ нибудь, а чего не понималъ, то заблуждался, давая мнѣ въ школу хозяйками, спрашивалъ у товарищей—бурсаковъ. Особенно мнѣ не давался греческій языкъ. Строгий учитель о. В... часто давалъ намъ на домъ переводы то съ греческаго на русскій, то съ русскаго на греческій. Въ первомъ случаѣ еще ничего: у меня былъ словарь, но при переводахъ съ русскаго языка на греческій мнѣ всегда грезились розги, бывшія тогда въ постоянномъ употребленіи. Дѣло въ томъ, что у меня не было русско-греческаго словаря и приходилось искать требующееся слово сначала въ русскомъ Евангеліи, а затѣмъ въ греческомъ. Все какъ-то сходило. Но разъ дома я бился надъ переводомъ, а слова не давались. Вотъ уже и 8 часовъ вечера, а работа не дошла и до половины. Мною овладѣло отчаяніе; я какъ-бы уже чувствовалъ надъ собой удары розогъ, которыхъ до этого времени еще не пробовалъ, а только видѣлъ, какъ подъ ними извивались мои товарищи. Слезы хлынули и я зарыдалъ. Одна изъ добрыхъ старушекъ—хозяекъ участливо начала спрашивать меня о причинѣ горя; я сказалъ, что завтра меня высѣкутъ, такъ какъ мнѣ не перевести данной задачи. Хозяйка на минуту скрылась, а потомъ явилась со словами: „Я. И. зоветь тебя съ книгами“. Я такъ перепугался, что не знаю, чтобы я выбралъ, если бы мнѣ

предложили на выборъ: розги или предстать предъ грознаго наставника Семинаріи? Думаю, что розги. Я. И. сидѣлъ у стола, заваленнаго книгами и что-то писалъ. Дрожащимъ голосомъ разсказалъ я, что не могу перевести. Онъ отложилъ свою работу и началъ снова сдѣланный мною переводъ, а мнѣ велѣлъ подыскивать слова. Я отвѣтилъ, что словаря у меня нѣтъ. „А какъ же ты узнаешь греческія слова?“ спросилъ онъ. Я показалъ. Разсмѣялся Я. И.; помогъ мнѣ въ переводѣ, а назавтра досталъ мнѣ откуда-то и русско-греческій словарь. Съ тѣхъ поръ онъ часто слѣдилъ за моими занятіями, а по слѣдующему случаю я вполне узналъ, что Я. И. очень добрый человѣкъ.

Въ февралѣ 1867 года я опасно захворалъ и надѣлалъ моимъ хозяйкамъ не мало хлопотъ. Я. И. пригласилъ доктора и, когда послѣдній объявилъ, что болѣзнь очень серьезна, походатайствовалъ принять меня въ училищную больницу. Три недѣли я былъ безъ памяти и затѣмъ поправлялся очень медленно. Не мало пропустилъ я учебнаго времени и уже отчаявался сравниться съ моими товарищами. Я. И. усилилъ со мною занятія и экзамены я выдержалъ удовлетворительно.

Но въ этотъ періодъ я не много пользовался добротою Я. И.: въ ноябрѣ 1867 года скончался мой батюшка и меня помѣстили въ бурсу. По приказанію дорогаго наставника, я рѣдко пропускалъ праздники, чтобы не посѣтить его. Всегда участливо спрашивалъ онъ меня о бурсацкой жизни, а жизнь эта была далеко не приглядна: голодовка была порядочная и Я. И. не-

рѣдко помогаль мнѣ. Въ слѣдующемъ году скончались двѣ добрыя старушки Захаровы; Я. И. похоронилъ ихъ, кажется, на свой счетъ. Затѣмъ, 4-го января 1870 г. Ангара затопила нашу бывшую квартиру; Я. И. переѣхалъ ближе къ Семинаріи, а я, какъ говорится, совершенно обурсачился—сдѣлался дикаремъ и стѣснялся посѣщать его, хотя нѣсколько разъ проходилъ мимо его квартиры съ твердымъ намѣреніемъ зайти, но ни разу не рѣшился.

Въ 1870 году я перешелъ въ Семинарію и здѣсь узналъ, что Я. И. пользуется особеннымъ уваженіемъ и любовью со стороны воспитанниковъ. Въ этомъ же году инспекторъ—о. Архимандритъ Іаковъ (бывшій епископъ Якутскій) былъ перемѣненъ ректоромъ въ Благовѣщенскъ, а по Семинаріи пошла молва, что инспекторомъ будетъ Я. И. Всѣ ликовали. И дѣйствительно, онъ вступилъ въ эту должность, въ одно время съ преобразованіемъ Семинаріи, въ концѣ 1870—71 учебнаго года. Здѣсь-то Я. И. и показалъ свои доблести: упорный трудъ, замѣчательное терпѣніе, энергію и непреклонную силу воли.

Чтобы наглядно показать, какого труда стоило новому инспектору привести Семинарію въ надлежащій требуемый новымъ уставомъ порядокъ, необходимо бросить взглядъ на семинарскую жизнь предъ преобразованіемъ Семинаріи по новому уставу въ 1872 году. Это преобразование почти какъ разъ совпало со вступленіемъ Я. И. въ должность инспектора Семинаріи.

Семинарская дисциплина въ это время была въ значительномъ упадкѣ. Виною тому были: а) духъ шести-

десятихъ годовъ, проникавшій въ малыхъ дозахъ и за крѣпкія семинарскія стѣны и б) слабость инспекторскаго надзора. Бывшій инспекторъ архимандритъ Іаковъ требовалъ отъ учениковъ умственного развитія, но мало обращалъ вниманія на то, какою духовною пищею ученики питаются. Потому въ ученическую бібліотеку допускались сочиненія Добролюбова, Писарева, Тейлора и др.; чтеніе этихъ корифеевъ 60-хъ годовъ не могло не отразиться въ нѣкоторой степени на умственномъ складѣ семинаристовъ вообще и не подѣйствовать вредно въ дисциплинарномъ отношеніи. Заступившій временно мѣсто архимандрита Іакова А. И. Смирновъ жилъ на квартирѣ, а не въ семинарскомъ корпусѣ и имѣлъ недостатки, подрывавшія его нравственный авторитетъ. Надзоръ за благоповеденіемъ воспитанниковъ лежалъ главнымъ образомъ на старшихъ изъ богословскаго класса. Это молодое начальство всею силою обрушивалось на словесниковъ и, отчасти, на философовъ; товарищи же по курсу пользовались замѣчательной свободой. Если припомнимъ, что среди богослововъ нерѣдко было встрѣтить 28-лѣтнихъ юношей, то поймемъ, что забавы ихъ выходили за предѣлы, положенные для закрытыхъ заведеній. Вотъ учебный день въ Семинаріи до преобразованія.

Въ 6-ть часовъ утра служитель идетъ со звономъ по спальнямъ. Семинаристы потягиваются, но не встаютъ, а богословы нерѣдко отвѣчаютъ усердному служителю и сапогомъ въ спину. Приходитъ дежурный старшій съ возгласомъ: „гг сейчасъ на молитву“! Словесники поспѣшно вскакиваютъ, одѣваются и бѣгутъ

въ умывальню. Философы идутъ не спѣшно. Богослововъ мало. Опять звонокъ и собираются въ одну изъ занятныхъ комнатъ, гдѣ словесникъ читаетъ послѣшно молитвы. Затѣмъ въ столовой, подѣ глухой говоръ только что вставшихъ съ постели пьютъ чай. Въ 8 часовъ звонокъ въ классы, проснувшіеся богословы идутъ въ столовую наслаждаться чаепитіемъ, если только первый урокъ не о ректора; въ противномъ же случаѣ спѣшатъ въ классы и будутъ пить чай за вторымъ урокомъ. Въ Семинаріи почему-то существовало убѣжденіе, что преподаватель имѣетъ право только одинъ разъ въ мѣсяцъ спрашивать ученика, а если спрашивалъ второй разъ, то тотъ отвѣчалъ: „я уже спрошенъ“ и преспокойно садился. Спрошенные ранѣе вмѣсто класса, отправлялись въ семинарскую рощу, если теплое время, а то въ спальню или въ городъ. Послѣ трехъ уроковъ, въ часъ толпами шли въ столовую обѣдать. Въ столовой шель гуль, а иногда слышались громкія шутки и смѣхъ; на срединѣ словесникъ читалъ четъ-миней. Послѣ обѣда нѣкоторые богословы и философы отправлялись въ спальни предаться послѣобѣденному отдыху. Въ 4-ре часа вечера опять чай; въ 5 часовъ звонокъ на вечернія занятія; въ 8½ звонокъ на ужинъ, который шель также, какъ и обѣдъ, а въ 9½ час. звонокъ на молитву, которая также читалась въ занятной. Послѣ молитвы одни отправлялись въ спальни, а другіе, болѣе усердные, шли опять въ занятныя писать сочиненія, такъ какъ во время занятій при шумѣ, который почти всегда господствовалъ тамъ, не было возможности сосредоточиться. Замѣтимъ ксгати, что сочиненія въ

то время имѣли особенное, преимущественное значеніе и было не мало труженниковъ, которые разрабатывали заданныя темы со всёмъ усердіемъ. Сроки для сочиненій были довольно большіе и усердные воспитанники имѣли возможность прочитать многое изъ нужныхъ сочиненій, имѣющихся въ фундаментальной семинарской библиотекѣ, доступъ въ которую былъ тогда нетруденъ, такъ какъ помощниками библиотекаря были свои же товарищи (ученическая библиотечка только зачиналась). Сочиненія отличались объемомъ: не рѣдкость было встрѣтить труды на 4, 5 и 6 листахъ, и этимъ трудамъ посвящались цѣлыя ночи. Такимъ образомъ послѣ вечерней молитвы меньшая часть воспитанниковъ находилась въ занятныхъ, а большая въ спальняхъ. Впрочемъ, и послѣдніе не оставались безъ дѣла: у каждаго ученика былъ огарокъ свѣчи для чтенія какой-либо книги на сонъ грядущій.

Воспитанники Семинаріи ходили въ внѣклассное время въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ: въ верхнемъ пальто, кто побогаче, въ сюртукахъ, въ подрясникахъ, въ халатахъ, зимою въ шубахъ и т. п. Въ подрясникахъ нѣкоторые ходили и въ классы. Словомъ населеніе Семинаріи по одеждѣ представляло какую-то разношерстную толпу.

Послѣ классовъ каждый шелъ, куда хотѣлъ, только словесники на первыхъ порахъ записывались въ увольнительный журналъ, хранившійся у дежурнаго старшаго. Старшіе дежурили по недѣлѣ и на обязанности ихъ лежало наблюденіе, во первыхъ, за всею жизнью воспитанниковъ (конечно младшихъ) какъ во время

уроковъ; такъ и внѣ классовъ; далѣе, имъ принадлежалъ надзоръ за пищей; они хранили у себя увольнительный журналъ и собирали классные журналы для представленія инспектору, наблюдали за исполненіемъ наложенныхъ наказаній и, наконецъ, возвѣщали звонкомъ переѣму кушаній въ столовой. Въ свою недѣлю дежурный старшій былъ свободенъ отъ посѣщенія классовъ и зорко слѣдилъ за словесниками, чтобы они не курили табаку (это была привилегія двухъ старшихъ классовъ); а если кого заставалъ на мѣстѣ преступленія, то немедленно отбиралъ въ свою собственность всѣ табакокурительныя принадлежности и доносилъ начальству о не благоповѣденіи неосторожныхъ. Словомъ, дежурный старшій былъ что-то въ родѣ инспектора, только безъ права давать наставленія и наказывать. Ясно, что рѣдкій изъ старшихъ пользовался симпатіями подчиненныхъ.

Такъ шла семинарская жизнь предъ преобразованіемъ. Богословы подумывали и часто между собою бесѣдовали о будущей службѣ, о невѣстахъ и т. п. Философы предвкушали богословскую свободу, а словесники только мечтали объ оной. Но вдругъ, нежданно—негаданно—все пошло иначе: гроза за грозой.

Съ преобразованіемъ Семинаріи изъ 3-хъ классной въ 6-ти классную, многимъ пришлось сидѣть лишній годъ, что особенно поразило богослововъ. Далѣе, послѣдовали совершенно новые порядки: старшихъ—бывшую власть—сравнили съ подчиненными. Но главное, что ошеломило всѣхъ—это новый инспекторъ.

онъ постепенно началъ измѣнять давніе, дѣдовскіе и отцовскіе нравы и обычаи Семинаріи.

Первымъ долгомъ дана каждому воспитаннику печатная инструкція, въ которой ясно говорилось, какъ и что нужно дѣлать и какія полагаются за неисполненіе ея наказанія. Особенно на первыхъ порахъ не нравилось приказаніе ходить по парно въ церковь на молитву и въ столовую и часто слышался глухой ропоть: „Что мы, институтки, что-ли!“ Возмущались сильно и увольнительными билетами въ городъ. На нихъ требовалась надпись лица, къ которому увольнялся воспитанникъ, а увольнялись не рѣдко и къ сестрамъ въ духовное училище и даже къ невѣстамъ. Затѣмъ, билетъ требовалось лично представить инспектору, что особенно не нравилось любившимъ побаловаться горячими напитками; внимательно Я. И. осматривалъ каждаго ученика. Тяжелою всею показалась новая жизнь. Аккуратно въ 6 часовъ утра Я. И. съ надзирателемъ обходилъ спальни и все невольно спѣшили оставить теплыя постели; въ 7 часовъ все шли на молитву въ церковь, гдѣ былъ постоянно и Я. И. съ надзирателемъ. Чтеніе молитвъ пошло по очередно каждымъ воспитанникомъ. Выходили изъ церкви по парно и инспекторъ внимательно пересчитывалъ выходящихъ. Въ столовую и изъ столовой шли такимъ же порядкомъ и Я. И. никогда не опускалъ ни обѣда, ни ужина, чтобы не быть въ столовой. Сразу послѣ звонка въ классы являлся онъ въ корридорѣ и наблюдалъ, чтобы все воспитанники находились въ классахъ. Въмѣсто трехъ уроковъ явилось пять, въ томъ числѣ

одинъ послѣ обѣда. За каждую единицу, по какому бы предмету она не получалась, голодный столъ безъ всякихъ объясненій. Послѣ вечерней молитвы отворялись спальни, а занятныя запирались. Спустя полчаса Я. И. со свѣчей обходилъ всѣ комнаты, въ которыхъ находились воспитанники и внимательно осматривалъ каждого, а если лицо у спящаго было закрыто, что было запрещено инструкціей, онъ осторожно открывалъ. Надъ каждой койкой появилась надпись владыльца. Въ полночь или позже Я. И. иногда снова посѣщалъ спальни.

(Окончаніе послѣдуетъ).

О В Ъ Я В Л Е Н І Е .

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЦАРЬ-КОЛОКОЛЬ“

на 1891 годъ.

На 3 мѣс. 50 коп., 6 мѣс. 1 р., 12 мѣс. 2 р.

10-го ноября, выйдетъ въ свѣтъ первый номеръ еженедельнаго иллюстрированнаго журнала для семейнаго чтенія „ЦАРЬ-КОЛОКОЛЬ“ 52 номера въ годъ, съ болѣе 800 роскошными иллюстраціями. Подробности и подписка у всѣхъ книгопродавцевъ и въ редакціи: Москва, пассажъ Попова.

Редакторъ, Каѳедральный Протоіерей Анастасій Виноградовъ.

Печатать дозволяется: Цензоръ, ректоръ Иркутской Духовной Семинаріи, Архимандритъ Никодимъ. Сентября 27 1890 г.

Иркутскъ, 1890. Типографія А. А. Сизыхъ, Больн. ул. д. Герандтъ.